

Пролог

Если верить тому, что говорят визири, то Аменхотеп убил своего брата, чтобы получить корону Египта.

В третий месяц года и *ахет*^{*1} наследный принц Тутмос лежал в своих покоях во дворце Малката, расположенном неподалеку от Фив. Теплый ветерок лениво шевелил занавески, принося с собой из пустыни запахи душицы и мирры. С каждым его дуновением длинные льняные полотнища начинали свой танец, обвиваясь вокруг колонн дворца и ласково поглаживая плиты пола, расцвеченные солнечными узорами. Но вместо того чтобы мчаться сейчас во главе своих воинов на боевых колесницах навстречу победе, двадцатилетний принц Египта возлежал в опочивальне, водрузив свою раздавленную и отекающую правую ногу на подушки. Колесницу, которая опрокинулась, немедленно сожгли, но было уже поздно. Тутмоса терзала лихорадка, он был сильно истощен. Но пока бог смерти с головой шакала подползал все ближе, на другом конце комнаты в золотом кресле восседал Аменхотеп, бесстрастно глядя на то, как его старший брат сплевывает кроваво-красную мокроту, что, по мнению визирей, недвусмысленно указывало на приближение смерти.

Когда же Аменхотеп больше не смог выдерживать вида больного брата, он величавой поступью вышел из покоев на балкон, с которого открывался вид на Фивы. Скрестив руки поверх золотой пекторали на груди, он стал смотреть на крестьян,

¹ Здесь и далее каждое первое появление нового египетского термина выделено курсивом и помечено звездочкой. Толкование этих слов дано в глоссарии, размещенном в конце книги. Рекомендуем сразу же прочесть статью «Календарь» в глоссарии — это облегчит дальнейшее чтение. (*Примеч. ред.*)

которые, несмотря на удушающую полуденную жару, убирали полбу. Их тени скользили по стенам храмов *Амона**, грандиозных сооружений, которыми его предки украсили эти земли. Он стоял над городом, размышляя о том послании, что призывало его из Мемфиса к постели брата. Солнце клонилось к горизонту, и ему стали являться видения его вероятного будущего. Аменхотеп Великий. Аменхотеп Строитель. Аменхотеп Виколепный. Он видел все это словно наяву, и, только когда на небосводе засияла луна, шлепанье сандалий по плитам пола заставило его обернуться.

— Твой брат зовет тебя к себе в опочивальню.

— Сейчас?

— Да, — произнесла царица Тия, повернулась к сыну спиной и поспешно вышла.

Аменхотеп последовал за нею в покои Тутмоса. Внутри собрались все сановники Египта.

Аменхотеп обвел взглядом комнату. Все собравшиеся здесь старички хранили верность его отцу и относились к Тутмосу с куда большей любовью, чем к нему самому.

— Вы можете идти, — провозгласил Аменхотеп, и оскорбленные визири в недоумении оборотились к царице.

— Вы можете идти, — повторила она. Но когда старики удалились, она резко бросила сыну: — Ты не смеешь обращаться с мудрейшими мужами Египта как с рабами!

— Они и есть рабы! Рабы жрецов Амона, у которых земель и золота больше, чем у нас. Если бы Тутмос дожил до коронации, то склонил бы голову перед жрецами, как и все фараоны до него...

Звук пощечины, которую отвесила сыну Тия, звонко разнесся по опочивальне.

— Не смей так говорить, пока твой брат еще жив!

Аменхотеп резко втянул в себя воздух, глядя, как мать подошла к Тутмосу.

Царица ласково провела ладонью по щеке принца. Ее любимец, который отличался мужеством как в битве, так и в мирной

жизни. Они были очень похожи — у обоих были светлые глаза, а волосы одинаково отливали золотом.

— Аменхотеп пришел повидать тебя, — прошептала она, и локон ее парика скользнул по лицу Тутмоса. Он, сделав над собой усилие, попытался сесть, и царица поспешила ему на помощь, но он взмахом руки остановил ее побуждение.

— Оставь нас. Мы побеседуем наедине.

Тия заколебалась в нерешительности.

— Все будет в порядке, — пообещал Тутмос.

Два принца Египта смотрели вослед своей матери, и лишь проводник умерших в загробный мир — шакалоголовый бог *Анубис** — достоверно знал, что случилось после того, как царица вышла. Многие сановники полагали, что в будущем, на судном дне Аменхотепа, когда Анубис положит на одну чашу весов его сердце, а на другую — символ Истины, перышко богини *Маат**, сердце Аменхотепа перевесит перышко. Они были уверены, что его сердце, символизирующее душу и совесть, отяжелело от злых дел, и что *Амат**, богиня возмездия с телом льва и головой крокодила, сожрет его, обрекая на вечное забвение. Но в чем бы ни заключалась правда, в ту ночь принц Тутмос умер и его место занял новый царевич.

Глава первая

1351 год до н. э.
Перет*, сезон роста

Когда закат над Фивами расплескал последние лучи заходящего солнца по известняковым скалам, мы двинулись нескончаемой процессией по песку. В извилистой колонне, петлявшей между холмами, первыми шли сановники Верхнего и Нижнего Египта, за ними следовали жрецы Амона, а замыкали траурное шествие сотни скорбящих. Песок в тени остывал быстро. Песчинки набились мне в сандалии между пальцами ног, а когда под мой тонкий льняной убор забирался ветер, я вздрагивала от холода. Выйдя из строя, я остановилась и посмотрела на саркофаг, который тянули буйволы, запряженные в салазки, что должно было показать людям Египта, сколь состоятелен и велик был наш принц Египта. Нефертити будет вне себя от зависти, оттого что пропустила такое зрелище.

«Я расскажу ей обо всем, когда вернусь домой, — подумала я. — Если только она не станет задаваться».

Бритоголовые жрецы вышагивали следом за нашей семьей, поскольку мы были главнее даже представителей богов. Благовоения, которые исходили из золотых шаров, которыми размахивали жрецы, навели меня на мысль об огромных жуках, отравлявших воздух повсюду, где бы они ни летали. Когда похоронная процессия достигла устья долины, грохот *систрумов** стих и плакальщицки умолкли. На всех утесах люди собрались целыми семьями, чтобы проводить принца в последний путь, и теперь они смотрели вниз на то, как верховный жрец Амона исполняет ритуал отвержения уст, дабы вернуть Тутмосу разум и восприятие в загробной жизни. Жрец был моложе сановников Египта, но несмотря на это,

все мужчины, включая моего отца, отступили на шаг, признавая верховенство за ним, когда он коснулся золотым *анком** губ фигуры, вырезанной на саркофаге, и провозгласил:

— Царственный сокол взлетел в небеса. Его место занял Аменхотеп Младший!

Меж утесов эхом взвыл ветер, и мне показалось, будто я слышала шорох соколиных крыльев, когда покойный принц освободился от оков своего тела и вознесся на небо. Отовсюду донеслось шарканье — это дети выглядывали из-за спин своих родителей, чтобы увидеть нового принца. Вытянула шею и я.

— Где же он? — прошептала я. — Где Аменхотеп Младший?

— В усыпальнице, — ответил мой отец.

Бритая наголо голова отца тускло отсвечивала в лучах заходящего солнца, а в сгущающихся сумерках лицо его обрело ястребиные черты.

— Но разве он не хочет, чтобы люди увидели его? — спросила я.

— Нет, сенит. — Отец всегда называл меня ласково «сенит», малышка. — Не раньше, чем получит то, что было обещано его брату.

Я недоуменно нахмурилась:

— И что же это такое?

Отец стиснул зубы.

— Соправление, — ответил он.

После окончания церемонии солдаты выстроились в шеренгу, чтобы не дать простолюдинам последовать за нами в долину, и нашей небольшой группе пришлось продолжить путь без сопровождения толпы. Позади нас шумно дышали буйволы, влекущие по песку свой позолоченный груз. А вокруг на фоне темнеющего неба вздымались утесы.

— Нам придется подняться наверх, — предостерег нас отец, и мать слегка побледнела.

Мы с нею обе были как кошки — боялись мест, которых не понимали, например таких вот долин, за которыми из своих потайных комнат наблюдают спящие фараоны. Зато Нефертити,

подобно бесстрашному соколу, пересекла бы такую долину без остановки, как и наш отец.

Мы шли под несмолкаемый и зловещий бой систрумов, и я смотрела, как на моих позолоченных сандалиях отражаются лучи умирающего солнца. Когда мы поднялись на утесы, я остановилась, чтобы окинуть взглядом землю внизу.

— Не останавливайся, — предостерег меня отец. — Идем дальше.

И мы пошли дальше через холмы, пока быки с фырканием взбирались по камням. Теперь жрецы шли впереди, освещая нам путь факелами. Но вдруг верховный жрец заколебался, и я встревожилась, уж не заблудился ли он в ночи.

— Отвяжите саркофаг и распрягите буйволов, — распорядился он, и я увидела высеченный в скале вход в гробницу.

Детвора принялась переступить с ноги на ногу, перебирая четки и бусы, а женщины, позвякивая браслетами, обменялись беспокойными взглядами. А потом я увидела узкие ступени, уходящие вниз, под землю, и поняла, чего они испугались.

— Мне это не нравится, — прошептала мать.

Жрецы освободили буйволов от их тяжелой ноши и взвалили позолоченный саркофаг на плечи. Отец сжал мою ладошку, чтобы приободрить меня, и мы последовали за мертвым принцем в его покои, ступив во тьму, оставляя позади предзакатное солнце.

Осторожно, чтобы не поскользнуться на камнях, мы спустились в самое нутро земли, стараясь держаться поближе к жрецам и их факелам. В самой гробнице свет отбрасывал пляшущие тени на стены, изображения на которых повествовали о двадцати годах жизни Тутмоса в Египте: женщины танцевали, охотилась знать, а царица Тия подавала своему старшему сыну вино и корешки лотоса в меду. Ища поддержки, я крепко вцепилась в руку матери, и по тому, что она не отреагировала, я поняла, что она молится про себя Амону.

Воздух внизу стал сырым, и к нему добавился запах свежескопанной земли. В свете факелов появлялись и исчезали рисунки:

разрисованные желтым женщины и смеющиеся мужчины, дети, запускающие цветки лотоса по Нилу. Но самым страшным был синеликий бог подземного царства, держащий в руках хекет и нехеху (скипетр и цеп), символизирующие власть фараонов Египта.

— *Озирис**, — прошептала я, но меня никто не услышал.

Мы спускались все ниже, в самые потаенные уголки земли, а потом вошли в сводчатую комнату, и я восторженно ахнула. Здесь были собраны все земные сокровища принца: раскрашенные барки, золотые колесницы, сандалии, отороченные мехом леопарда. Пройдя через эту комнату, мы оказались у потайной двери самой дальней погребальной камеры. Тут отец наклонился ко мне и прошептал:

— Не забудь, о чем я тебе говорил.

В пустой комнате бок о бок стояли фараон со своей женой. Свет факелов выхватывал из темноты лишь неясные очертания их фигур и длинный саркофаг покойного принца. Я протянула руки в знак уважения, и моя тетя торжественно и строго кивнула мне, должно быть, вспомнив меня по временам своих нечастых визитов к нам в *Ахмим**. Мой отец никогда не брал нас с Нефертити с собой в Фивы. Он хотел, чтобы мы держались подальше от дворца с его интригами и бахвальством придворных. Но теперь в трепещущем свете факелов в гробнице я увидела, что царица всего Египта ничуть не изменилась за те шесть лет, что прошли с нашей последней встречи. Она оставалась все такой же маленькой и бледной. Когда я протянула к ней руки, она оценивающе посмотрела на меня своими светлыми глазами, и мне стало интересно, что она подумала о моей темной коже и необычно высоком росте. Я выпрямилась, и верховный жрец Амона раскрыл «Книгу мертвых» и принялся нараспев читать обращение к богам умирающих смертных:

— Пусть душа моя вернется ко мне, где бы она ни находилась. Найдите ее, Хранители небес. Пусть душа моя узрит мое тело и да упокоится она в моем мумифицированном теле, кое никогда не будет уничтожено и не сгинет без следа...

Я окинула гробницу взглядом в поисках Аменхотепа Младшего. Он стоял поодаль от саркофага и *погребальных урн**, которые должны были перенести внутренние органы Тутмоса в загробный мир. Царевич был выше меня и выглядел настоящим красавцем, несмотря на вьющиеся светлые волосы. Я подумала, а можем ли мы ожидать от него великих свершений и подвигов, ведь править должен был его брат? Аменхотеп придвинулся поближе к статуе богини *Мут**, и я вспомнила, что Тутмос всегда любил кошек. С ним должна была уйти и его любимая Та-Мяу, чья мумия лежала в отдельном миниатюрном золотом саркофаге. Я осторожно коснулась руки матери, и та обернулась ко мне.

— Они убили ее? — прошептала я, и она проследила за моим взглядом, устремленным на крошечный гробик рядом с саркофагом принца.

Мать покачала головой и, когда жрецы вновь принялись бить в систрумы, ответила:

— Говорят, что после того, как наследный принц умер, она просто перестала есть.

Верховный жрец затянул «Песнь к душе», горькую жалобу Озирису и Анубису. Затем, захлопнув «Книгу мертвых», он провозгласил:

— Благословение внутренних органов!

Царица Тия сделала шаг вперед. Она опустилась на колени прямо в пыль и поочередно поцеловала каждую *канопу**. Ее примеру последовал фараон, и я увидела, как он резко обернулся, высматривая в темноте своего младшего сына.

— Подойди ко мне, — скомандовал он.

Но Аменхотеп Младший даже не шелохнулся.

— Подойди! — крикнул фараон, и голос его, стократно усилившийся, эхом прокатился по гробнице.

Все замерли, боясь дышать. Я оглянулась на отца, но он сурово покачал головой.

— А почему это я должен почтительно склоняться перед ним? — возмутился Аменхотеп Младший. — Он бы вручил Египет жрецам Амона, как делал каждый фараон до него!